

Ань Чанцин заметил, что парнишка совсем ещё юн, однако пытался подражать манере речи Сяо Чжигэ с невозмутимым видом — и получалось у него потрясающе точно. Он не удержался от улыбки и, направившись к боковой комнате, заговорил с ним:

— Как тебя зовут? Сколько тебе лет, что ты уже пошел в армию? Ты бывал на поле боя?

— Меня зовут Чэнь Су. Мне в этом году исполнилось четырнадцать, — видя, что гость улыбается ему и держится доброжелательно, молоденький солдат слегка покраснел, но тут же гордо задрал подбородок: — Бывал на поле боя! И даже убил двоих бэйдийцев!

Ань Чанцин слегка удивился. Чэнь Су выглядел щуплым и невысоким, с пухлыми круглыми щеками и детской незрелостью на лице — трудно было поверить, что он уже сражался на поле боя и разил врагов. Будь он в Ецзине, ребенок такого возраста учился бы в школе.

Впрочем, вспомнив слова Сяо Чжигэ о том, что жители Яньчжоу изо дня в день живут под угрозой нападения бэйдийцев, Ань Чанцин подумал, что и в этом есть свой плюс: по крайней мере, при нападении врага у парня будет шанс защитить себя.

Видя гордый вид мальчишки, Ань Чанцин не поскупился на похвалу:

— Правда? Какой ты молодец.

От этих слов Чэнь Су, напротив, смутился и, почесав затылок, ответил:

— Но потом генерал увидел меня и сказал, что я слишком мал, а убивать врагов буду, когда подрасту, поэтому и перевел меня в поместье генерала.

Ань Чанцин вспомнил, что и остальные солдаты в поместье, которых он видел вчера, тоже были совсем юны. Похоже, Сяо Чжигэ нарочно перевел их сюда. Опустив глаза, он тихо улыбнулся, понимая, что открыл для себя еще одно достоинство этого мужчины.

Сам ушел на войну в двенадцать лет, а сам молча переводит к себе в поместье этих юных ребят. Так он и не гасит их пыл, и при этом дает им реальное дело.

Умывшись в боковой комнате, Ань Чанцин вернулся, а Чэнь Су принес гревшиеся на печи рисовую кашу и закуски. Блюд было немного, но смотрелись они гораздо изысканнее, чем вчерашние, да и на вкус оказались куда лучше — видать, сегодня готовил другой повар.

На душе у Ань Чанцина было сладко и тепло. Доев кашу и закуски, он спросил, куда ушел Сяо Чжигэ.

Чэнь Су с неуверенностью ответил:

— Обычно в это время генерал бывает в военном лагере.

Поразмыслив, Ань Чанцин решил, что у Сяо Чжигэ наверняка полно дел, поэтому разыщет его позже, а пока сам прогуляется по городу. Предупредив Чэнь Су, он позвал Чжоу Хэланя пройтись вместе с ним.

В этот раз путь в Яньчжоу был дальним и спешным, поэтому Ань Чанцин оставил Ань Фу в Ецзине, чтобы тот приехал позже вместе с Те Ху, а с собой взял только Чжоу Хэланя.

Они вышли из поместья генерала без охраны и не спеша пошли по главной улице, разглядывая всё вокруг. Нравы и обычаи Яньчжоу разительно отличались от ецзинских. По словам Чжоу

Хэланя, они были скорее похожи на сицянские.

Поскольку только вчера Сяо Чжигэ лично давал отпор Хуянь Сюню, в этот день лавки в городе снова открылись, а у обочин выстроились уличные торговцы, отчего на улицах царило оживление.

Некоторые из горожан видели Ань Чанцина вчера, и теперь, узнавая его, доброжелательно здоровались. Ань Чанцин отвечал им столь же приветливой улыбкой.

Прогуливаясь по рядам, Ань Чанцин заметил, что во многих лавках товары продаются за бесценок — в том числе некие драгоценные камни и разного рода мази. Он наугад взял изумрудно-зеленый камень. Цвет у него был чистым и прозрачным, да только форма совершенно неправильная, к тому же все камни отличались размером.

Ань Чанцин спросил цену — оказалось, всего тридцать монет.

— Так дешево? — удивился Ань Чанцин. Хотя он не слишком разбирался в драгоценных камнях, но всё же мог разглядеть, что по качеству этот камень ничем не уступал нефриту и жадеиту, из которых делали украшения в ювелирных лавках Ецзина.

— Да таких камней полно, они гроша ломаного не стоят, — махнул рукой торговец. — Торговые караваны привозят их из Сицяна. Камни-то красивые, да только их сбывают слишком много, вот и не ценятся.

— Из Сицяна?

Торговец кивнул:

— Купеческие гильдии собирают большие караваны, идут с товаром через Лянчжоу и торгуют прямо на границе. Как всё распродадут, меняют выручку у сицянцев на местные товары и везут обратно.

— Это похоже на сицянский жадеит, — подал голос Чжоу Хэлань, всё это время разглядывавший эти безделушки. — Я видел такой раньше.

Заметив озадаченный взгляд Ань Чанцина, он пояснил:

— В детстве, когда мы с матерью приехали в Да Е, наш путь пролегал как раз через Лянчжоу. В горах на границе между Лянчжоу и Сицяном таких камней пруд пруди. Их много, лежат прямо в горах, поэтому местным до них и дела нет. Разве что бедняки собирают их, приносят домой, шлифуют — и получают весьма симпатичные украшения.

— А есть ли разница между сицянским жадеитом и жадеитом из Да Е? — спросил Ань Чанцин.

Чжоу Хэлань на мгновение задумался и с сомнением покрутил головой:

— Я в драгоценностях не смыслю, но на вид особых различий нет.

Поразмыслив, Ань Чанцин скупил у продавца абсолютно все эти камни, после чего попросил Чжоу Хэланя отнести их в поместье генерала и попытаться отыскать мастера, досконально разбирающегося в нефрите и жадеите. Чжоу Хэлань схватывал всё на лету: сразу поняв задумку Ань Чанцина, он с большим воодушевлением забрал камни и отправился обратно.

Ань Чанцин еще немного побродил по городу и, рассудив, что Сяо Чжигэ к этому времени

должен освободиться, направился к военному лагерю.

В военном лагере Сяо Чжигэ отослал всех посторонних и лишь затем передал Цзи Аньминю признательные показания, подписанные Ши Цзиньчжуном и его сообщниками.

Юйши-дафу Цзи Аньминь славился своим прямым непреклонным нравом и честностью. И то, что император Аньцин отправил расследовать дело именно его, не стало для Сяо Чжигэ неожиданностью. Показания и улики были подготовлены заранее — оставалось лишь дожидаться, пока Цзи Аньминь заглотит наживку.

И впрямь: внимательно изучив пухлую стопку признаний, Цзи Аньминь постепенно изменился в лице:

— Это...

Сяо Чжигэ с бесстрастным лицом посмотрел на Цзи Аньминя:

— Ши Цзиньчжун — человек наследного принца, и поджог провианта был совершен по приказу наследного принца. А вот военное жалование растратила фракция Шу-гуйфэй. Новая жена, которую председатель Храма Тайфу взял в прошлом году в качестве второй супруги — родовитая девица из клана Шу-гуйфэй.

— Третий принц в сговоре с председателем Храма Тайфу присвоил военное жалование и подстроил диверсию с провиантом на границе. Наследный принц же руками Августейшего отца заслал Ши Цзиньчжуна в Яньчжоу, чтобы при удобном случае отрезать мне путь к отступлению. Как думает господин Цзи, звучит ли мое объяснение разумно и убедительно?

Цзи Аньминь слегка побледнел и с удивлением и сомнением уставился на него:

— Князь ведет со мной эту тайную беседу ведь не для того, чтобы я разоблачил наследного принца и третьего принца?

Если бы князь действительно хотел раскрыть преступления наследного принца и третьего принца, он мог бы отослать всю эту стопку улик вместе со свидетелями в Ецзин. А не убивать свидетелей и призывать его сюда на секретную аудиенцию.

Сяо Чжигэ лишь издал тихий усмехающийся звук и повернулся к нему спиной, так что выражения его лица было не разглядеть:

— Разоблачить наследного принца и третьего принца? И какая же мне от этого выгода?

Цзи Аньминь произнес низким голосом:

— Если наследный принц и третий принц падут... среди сыновей Его Величества останется только князь. Неужели князь не хочет попытать удачи?

— О чем додумался господин Цзи, разве не додумается Августейший отец? Разве не додумается все придворное чиновничество? — Сяо Чжигэ устремил взгляд вдаль. — Как полагает господин Цзи, когда скандал разразится, кого выберет Августейший отец: двоих любимых сыновей — или меня?

Судя по тому, насколько Цзи Аньминь знал императора Аньцина, тот, безусловно, выбрал бы

наследного принца и третьего принца. Один — законный старший сын, которого опекают вдовствующая императрица и императрица; другой — обожаемый младший сын. Даже соверши они ошибку, в глазах императора Аньцина они всё равно заслуживали бы прощения.

Тем более что между ними стоял нелюбимый Бэйчжань-ван. Едва об этом всплывет правда, с гораздо большей вероятностью... император Аньцин решит, будто его второй сын затеял братскую междоусобицу, сфабриковав улики, чтобы очернить двух братьев.

А сам Цзи Аньминь, вернувшись с этими уликами, и подавно будет клеймен как приверженец Бэйчжань-вана и станет мишенью для совместных атак фракций наследного принца и Шугуйфэй.

Вспомнив отрубленную голову, отправленную в Ецзин вместе со срочным донесением, Цзи Аньминь мгновенно понял замысел князя. И от этого осознания его благоговейный страх перед Сяо Чжигэ только возрос. Люди твердят, будто Бэйчжань-ван гениален в военном деле, но бесчеловечно жесток, однако кто бы мог подумать, что он настолько насквозь видит помыслы сидящего на драконьем престоле!

Цзи Аньминь поднял взгляд. Сяо Чжигэ стоял у окна, заложив руки за спину; его высокий силуэт был полон молчаливого величия. Цзи Аньминю однажды посчастливилось видеть портрет Тай-цзу, и в этот момент ему вдруг показалось... что Бэйчжань-ван поразительно унаследовал статную выправку и дух основателя династии.

— Старый слуга понял замысел князя, — Цзи Аньминь слегка поклонился. — Вернувшись в столицу, я сделаю все возможное, чтобы сгладить углы перед Его Величеством.

Сказав это, он выпрямился и с осторожностью добавил:

— Сочтем это возвратом долга за то письмо, что князь прислал мне в свое время.

Тогда, желая свалить маркиза Чжунъюна, Сяо Чжигэ подсказал Ань Чанцину отправить письмо в поместье Цзи Аньминя. Руками Цзи Аньминя он одним ударом сокрушил поместье маркиза Чжунъюна, лишив У Цзюньшу ни единого шанса восстановить положение. Цзи Аньминь же воспользовался этим случаем, чтобы отомстить за свою погибшую дочь.

<http://bllate.org/book/18381/1767703>